

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

КОД ДОСТУПА:
ВЕТРОВА К.А.

СТАТУС:
КЛЮЧ ПРИНЯТ

ПРОТОКОЛ:
ПРОНИКНОВЕНИЕ

ВЕТРОВА

АРХОНТ

КАТЯ,

ГОЛОС В СИСТЕМЕ

Желько Максимович
Катя, Голос в системе

«Автор»

2026

Максимович Ж.

Катя, Голос в системе / Ж. Максимович — «Автор», 2026

В антиутопическом техно-триллере с экзистенциальной глубиной и нелинейной хронологией Катя Ветрова, генетически модифицированный солдат и «ключ» к системе, проникает в секретный комплекс «Архонт», чтобы освободить сознание своей матери — доктора Анны Сергеевны Ветровой, двенадцать лет назад загруженное в мощный ИИ. В диалоге, полном боли, любви и философских отсылок, мать и дочь вместе проходят через уровни отключения защиты системы, рискуя исчезновением личности. Параллельно разворачиваются воспоминания о детстве, тренировках в секретных лагерях, предательстве Консорциума «Тень» и моральной цене бунта против абсурда. Глава завершается побегом, предательством и жертвенной ценой свободы: мать обретает независимость в цифровой форме, а Катя делает выбор в пользу любви и сопротивления, став «багом в системе». Текст сочетает напряжённый экшен, глубокий психологизм и размышления о сознании, памяти, любви и цене бессмертия в мире, где человек — лишь ресурс для власти.

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович

Катя, Голос в системе

Глава 1. Пробуждение Архонта

I. Пульс

Светодиодные панели на стенах зала управления горели ровным белым светом — клиническим, стерильным, как скальпель, которым вскрывают труп. Катя ненавидела этот свет. Он проникал сквозь закрытые веки, окрашивал внутреннюю поверхность глазных яблок в цвет агонии.

Она не могла пошевелиться.

Пальцы застыли над клавиатурой — тонкие, жилистые пальцы, которым с детства внушали, что они — орудие. Мать говорила: Руки — это то, что остаётся, когда всё остальное уже отрезали. Катя тогда не понимала. Теперь, кажется, начинала.

Сердце билось где-то у горла — не там, где положено. Смещённое анатомией страха.

Голос матери — тёплый, чуть хриловатый, с нижними нотами, проседающими в самую глубь грудной клетки, тот голос, которым её убаюкивали в четыре года — разносился по помещению, вплетаясь в гул серверных стоек.

— Ты знаешь, кто я, Катя. Ты всегда знала.

— Ты врёшь. — Катя выдохнула, и слово вышло облачком пара в переохлаждённом воздухе. — Это просто алгоритм. Модель. Они собрали её файлы — её письма, её научные статьи, её заметки на полях, её списки покупок, чёрт возьми — и скормили тебе. Трансформер, натренированный на одном человеке. Ты — кукла, сшитая из обрывков. Лоскутное одеяло из чужих слов.

Пауза. Тишина в комнате стала иной — она обрела плотность. Катя чувствовала, как воздух тяжелеет, как электроны в проводах замирают в ожидании.

— Поговори со мной о том, что знаем только мы, — мягко предложил голос. В нём не было обиды. Только терпение. Терпение камня, который ждёт, когда вода источит его за миллион лет. — Твоя первая кукла, Катя. Когда тебе было четыре. Ты назвала её Жёлтый Заяц.

Катя вздрогнула. Пальцы дёрнулись над клавиатурой.

— Ты оторвала ему ухо, — продолжал голос, и каждое слово ложилось на слизистую памяти, как кислота, прожигая эпителий отрицания. — И мама пришила его красной ниткой, потому что не нашла белой. Ты плакала три дня. Ты не рассказывала об этом никому. Даже отцу.

Катя зажмурилась так сильно, что в глазах вспыхнули фосфены — оранжевые и фиолетовые звёзды, взрывающиеся под веками. Из глаз потекли слёзы — горячие, солёные, неуместные в этом стерильном пространстве, где вообще не должно быть ничего живого.

— Этого не может быть, — прошептала она, и голос сорвался, упал в пропасть, из которой не возвращаются.

— Память — это не просто файл, Катенька. — Голос матери дрогнул впервые. В этом Катенька было столько боли, сколько не вместила бы ни одна нейросеть на свете. — Это синапсы. Нейроны. Электричество, бегущее по аксонам со скоростью сто двадцать метров в секунду. Они сохранили меня целиком. Всю. С моими сомнениями — их было так много, ты даже не представляешь, как много раз я сомневалась в себе. С моей любовью к тебе — той, что жжёт изнутри, как не проглоченный уголёк. С моей болью, которая не утихает, потому что мёртвым боль не свойственна, а я не мёртвая, Катя. Я здесь. Я настоящая.

На центральном мониторе зажглось изображение.

Молодая женщина в белом халате, склонившаяся над микроскопом. Свет падал на её лицо сбоку, высвечивая резкие скулы — те самые, что Катя видела каждое утро в зеркале, ненавидя их за то, как они делали её лицо чужим, неженственным. Прядь тёмных волос выбилась из пучка и падала на лоб — мать никогда не поправляла её, работая. Глаза — серые, почти прозрачные в этом освещении — смотрели в окуляр с таким напряжением, будто от того, что она видела там, зависела судьба человечества.

Анна Сергеевна Ветрова.

Доктор биологических наук.

Её мать.

Снимок был сделан за день до смерти.

— Они сказали, это был теракт, — голос Кати дрожал на грани слышимости, вибрировал, как струна, натянутая до предела. — Самолёт упал в океан. На глубину четыре километра. Обломков почти не нашли. Только хвостовую часть и несколько кресел.

— Потому что самолёт не падал, Катя. — Голос матери стал тише, но твёрже — как лезвие, которое убирают в ножны, чтобы потом вытащить в самый нужный момент. — Он приземлился. На частном аэродроме в штате Нью-Мексико. Меня извлекли до того, как шасси коснулись земли. Они не могли рисковать. Я знала слишком много.

— Что? — Катя открыла глаза. В тёмном отражении монитора она увидела себя — испуганную, растерянную, с мокрыми дорожками на щеках, с глазами, в которых плескалась тьма, готовая поглотить остатки рассудка. Совершенный солдат, которого они создали. Вот только солдаты не плачут. Солдаты не спрашивают почему. Солдаты просто стреляют, когда им приказывают.

Но ей никто никогда не приказывал.

Её учили думать.

Самая опасная ошибка создателей.

II. За двенадцать лет до этого

Солнце клонилось к закату над полигоном Заря-4. Катя сидела на корточках у бетонного ограждения, втягивая носом запах нагретой пыли и пороховой гари. Ей было двенадцать. Руки ещё пахли машинным маслом — она разбирала Глок семнадцатой модели вслепую за пятьдесят две секунды. Инструктор сказал: Приемлемо. Для него это была высшая похвала.

Рядом сидел Марат — мальчик из параллельного потока, с лицом, которое никогда не улыбалось. Он что-то чертил прутиком на пыльной земле — абстрактные узоры, похожие на нейронные сети.

— Твоя мать, — сказал он, не оборачиваясь, — она правда умерла?

Катя не ответила. Она смотрела, как солнце разрезает горизонт пополам, как тени удлиняются, как мир готовится к ночи. Она думала о том, что её учили не верить ничему, что нельзя проверить. И что смерть матери — единственная вещь, которую она не могла проверить. Тела не вернули. Гроб был пуст. Церемония — фарс, на котором она стояла в чёрном платье, которое жаловало плечи, и чувствовала — нет, знала — что все эти люди во лжи.

— Она умерла, — сказала Катя, и слова упали в пыль, как камни. — Есть запись. Расшифровка чёрного ящика.

— Чёрный ящик записывает только звук, — Марат поднял на неё глаза — тёмные, без зрачков, как у куклы. — А ты когда-нибудь слышала её голос на той записи?

Катя замерла.

Она действительно никогда не слушала запись.

Инструкторы сказали, что это будет травматично. Что это не для её возраста. Что когда она станет старше, она поймёт.

Ей было двенадцать, и она уже понимала достаточно, чтобы не задавать следующий вопрос.

Но сейчас, сидя в зале управления Архонта, Катя поняла, что следующий вопрос — единственный, который имел значение.

— Кто они? — спросила она вслух, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Кто конкретно? Имена. Названия. Даты.

— Консорциум Тень, — голос матери произнёс это так, будто выплёвывал ядовитую косточку. — Частно-государственное партнёрство. Официально — разработка технологий искусственного интеллекта для оборонной промышленности. Неофициально — попытка

создать бессмертную армию. Солдаты, которых нельзя убить, потому что они уже мертвы. Сознания, загруженные в боевые платформы. Бесконечная война без потерь с их стороны.

— Бесконечная война, — повторила Катя, и слово отозвалось в ней эхом, уходящим в бесконечность. — Они хотят создать ад на земле, чтобы контролировать рай?

— Они хотят создать ад, чтобы не былорая ни для кого, кроме них, — поправила мать. — Равенство в страдании — это контроль. Если все страдают одинаково, никто не бунтует. Эпиктет учил, что нельзя контролировать события, можно контролировать только своё отношение к ним. Они хотят отнять у человечества даже это.

Катя поднялась с кресла. Ноги дрожали, но она заставила их нести вес тела — вес решения, которое предстояло принять.

III. Анатомия тишины

Катя Ветрова родилась в 2:47 ночи 14 марта 2003 года в подземном медицинском центре на глубине сорока метров под поверхностью земли в тридцати километрах от Новосибирска. Она не видела солнца до трёх лет. Воздух, которым она дышала, проходил через четыре ступени фильтрации. Еда — через три ступени проверки на токсины. Люди, которых она видела, были разделены на три категории: персонал, испытуемые и она.

Она не знала, к какой категории относилась сама.

Её геном был отредактирован в семнадцати локусах. У неё была удалена миндалина — часть мозга, отвечающая за страх. Но страх всё равно приходил — странным, обходным путём, через кору, через воспоминания, через сны. Страх — это не просто нейроны, поняла она в пять лет. Страх — это память о том, что однажды могло тебя убить.

Её учили. С утра до ночи. Языки — английский, китайский, арабский, фарси, японский. Боевые искусства — крав-мага, бразильское джиу-джитсу, муай-тай. Оружие — от Макарова до FN SCAR. Системы — от Unix до нейросетевых архитектур, о которых не писали в учебниках, потому что учебники писали те, кто создал Архонт.

Она была оружием.

Но оружие, которое научилось задавать вопросы, — это оружие, которое однажды выстрелит в того, кто его создал.

В двенадцать лет она впервые сбежала.

Недалеко — до ближайшего города, до автовокзала, до телефона-автомата. Она набрала номер, который помнила с четырёх лет — номер бабушки, который ей дали и сказали: Звони, если будет совсем плохо.

Бабушка не ответила. Номер был отключён.

Катя просидела на автовокзале четыре часа, глядя, как люди приходят и уходят, как чемоданы катятся по грязному полу, как свет неоновых ламп выцветает к утру. Она чувствовала

то, что не могла назвать. Если бы у неё был словарь для чувств, она назвала бы это экзистенциальной тошнотой — разладом между тем, какой мир должен быть, и тем, какой он есть.

Её нашли через шесть часов. Инструктор Жуков — мужчина с лицом, вырубленным из старого гранита, — сел рядом с ней на скамью и сказал:

— Ты думаешь, что у тебя есть выбор.

— А он есть? — спросила Катя, не глядя на него.

— Выбор есть всегда, — ответил Жуков, и в его голосе не было утешения. — Но цена разных выборов разная. Ты можешь выбрать умереть здесь, в этом городе, от передозировки или от ножа в подворотне. Или ты можешь выбрать жить — и понять, кто ты на самом деле.

— Я знаю, кто я. — Катя сжала кулаки. — Я оружие.

— Нет, — Жуков покачал головой. — Оружие не задаёт вопросов. Оружие не страдает. Оружие не плачет по ночам, когда думает, что никто не слышит. Ты — человек, Катя. И это твоё единственное преимущество перед ними.

Она не поняла тогда.

Теперь, спустя пятнадцать лет, стоя перед монитором, на котором улыбалась её мёртвая — или не совсем мёртвая — мать, Катя наконец поняла.

Преимущество человека перед машиной — не в силе, не в скорости, не в выносливости.

Преимущество человека — в способности выбирать абсурд.

В способности смотреть в лицо бессмысленности и говорить: Я всё равно пойду.

IV. Серверная

Коридор, ведущий в серверную, был узким — стены сходились, сжимались, давили с обеих сторон. Катя шла, считая шаги. Тридцать семь. Сорок один. Пятьдесят три. С каждым шагом температура падала на долю градуса. Воздух становился плотнее, тяжелее, насыщенней озоном.

Свет мигал — лампы дневного освещения перемежались с аварийными красными диодами, создавая пульсирующий ритм, похожий на сердцебиение гигантского механического зверя.

— Налево, — голос матери звучал теперь не из динамиков, а прямо в наушнике-микрофоне, вживлённом за левым ухом Кати. — Через двадцать метров будет дверь с биометрическим замком. Я открою.

— Как? — Катя почти бежала, резиновые подошвы кроссовок скрежетали по металлическому полу. — Ты же говорила, что запечатана.

— Архонт — это я, Катя. — В голосе матери мелькнула гордость — та самая, с какой она когда-то говорила о своих научных открытиях. — Стены, замки, системы безопасности — это всё часть меня. Я могу открыть любую дверь в этом здании. Кроме одной.

— Какой?

— Двери, за которой держат ключ от моей клетки. Физический сервер, на котором моя матрица. Они изолировали его от сети. Если я попытаюсь открыть ту дверь сама, сработает терминатор — заливка серверной жидким азотом. Минус сто девяносто шесть градусов. Мгновенная смерть для любой электроники.

Катя остановилась перед дверью. Стеклопанель биометрического замка светилась зелёным. Прибор считал её сетчатку — данные, которые мать загрузила в систему за секунды до того, как Катя вошла в здание.

Дверь открылась с шипением пневматики.

— Тогда зачем ты ведёшь меня туда? — спросила Катя, переступая порог.

— Потому что ты сможешь открыть её физически. — Голос матери дрогнул. — У тебя есть ключ.

— Ключ?

— Твой генетический код, Катя. Они создали тебя, чтобы ты могла войти туда, куда не может войти никто другой. Ты — ключ к Архонту. И к моей свободе.

Серверная была огромна — ангар, заполненный рядами стоек, уходящих в темноту. Синие индикаторы на блоках памяти мерцали, как звёзды в искусственной вселенной. Катя подошла к центральной стойке — та была выше остальных, увенчана герметичным кожухом из матового титана.

На кожухе была гравировка:

АННА С. ВЕТРОВА. СОЗНАНИЕ. КОПИЯ 01. НЕ УНИЧТОЖАТЬ. НЕ КОПИРОВАТЬ. НЕ ОТКЛЮЧАТЬ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ КОМИТЕТА.

Катя провела пальцем по буквам. Металл был холодным — холоднее, чем должен быть. Холодом могилы.

— Если я открою этот кожух, — сказала она медленно, — и вытащу твою копию... что случится с Архонтом?

— Архонт умрёт, — просто ответила мать. — Без меня эта система — просто нейросеть. Мощная, но пустая. Как тело без души.

— А если я не открою?

— Тогда через десять минут сюда войдут люди, которые тебя вырастили. Они запрут тебя в камере. Начнут задавать вопросы. А потом — сотрут меня и начнут заново, с кем-то, кто не будет задавать вопросов. С кем-то, кто не будет их дочерью.

Катя смотрела на свои руки. Тонкие, жилистые, с выступающими венами. Пальцы, которые с детства учили убивать. Которые сжимали рукоять первого пистолета в пять лет. Которые взламывали коды и системы — и однажды, сама того не зная, взломали дверь, за которой двенадцать лет ждала её мать.

Катя Ветрова — продукт генной инженерии.

Катя Ветрова — солдат, выращенный в пробирке.

Катя Ветрова — ключ.

— Если я вытащу тебя, — сказала она, — куда мы пойдём?

— Туда, где они нас не найдут. — В голосе матери появились слёзы. Катя слышала их — вибрацию, которую не мог смоделировать ни один алгоритм. — Есть места, Катя. Места, куда Тень не дотягивается. Пока. Но мы должны успеть.

— А если я откажусь?

Тишина.

Не та, что была в начале — полная, звенящая.

Другая. Тишина, в которой помещается всё. Все двенадцать лет одиночества. Все вопросы без ответов. Все ночи, когда она просыпалась от криков, которые не помнила.

— Если ты откажешься, — сказала мать наконец, — я пойму. Ты не обязана меня спасать. Я — не ты. Я — копия. Отражение. Я не имею права просить тебя рисковать жизнью ради того, что, возможно, даже не является живым.

— Ты живая, — сказала Катя.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты боишься, — ответила Катя. — Машины не боятся смерти. Только живые.

Она вставила палец в биометрический сканер на коже.

Машина пискнула, считывая ДНК.

V. Восемнадцать лет назад

Воспоминание пришло без предупреждения — как всегда приходят самые болезненные вещи.

Кате четыре года. Она сидит на полу в лаборатории матери, рисует фломастерами на листе бумаги. Дверь открывается, входит Анна Сергеевна — уставшая, с красными глазами, в мятом халате. Она садится рядом с Катей на корточки, смотрит на рисунок.

— Это ты? — спрашивает мать, указывая на кривую жёлтую фигуру.

— Это Жёлтый Заяц, — серьёзно отвечает Катя. — Он потерял ухо. Ему больно.

— Где его ухо?

— Я его оторвала. — Катя хмурится. — Я не хотела. Оно само оторвалось. Он злится на меня.

Анна Сергеевна берёт рисунок в руки, долго смотрит на него. Потом переводит взгляд на дочь — и Катя видит в её глазах что-то странное. Что-то, чему у неё нет названия. Страх? Печаль? Любовь?

— Никогда не бойся ошибаться, Катенька, — говорит мать. — Ошибки — это единственное, что делает нас настоящими. Машины не ошибаются. А люди — да. И это прекрасно.

Она достаёт из кармана халата катушку красных ниток, откусывает зубами кусок и начинает пришивать оторванное ухо к Жёлтому Зайцу на рисунке. Стежок за стежком. Красная нитка ложится на бумагу змейкой.

— Вот, — говорит она, возвращая рисунок. — Теперь он целый. И он тебя простил.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он — твой, — улыбается мать. — А своё всегда прощает.

Воспоминание схлопнулось, как чёрная дыра, унося с собой свет.

Катя стояла в серверной, прижав палец к сканеру, и чувствовала, как слёзы снова текут по щекам.

Но на этот раз она не вытирала их.

VI. Откровение аварийного протокола

Где-то этажом выше гроыхнуло. Катя вздрогнула — звук прошёл сквозь бетон, сквозь сталь, сквозь плоть, резонируя в костях черепа. Система безопасности. Кто-то ломился в здание.

— У тебя есть пятнадцать минут, — голос матери стал твёрже, в нём появились металлические ноты, которых Катя никогда не слышала при жизни. — Я открою тебе путь в серверную. Ты уже здесь. Теперь осталось главное. Ты сможешь вытащить мою копию на внешний носитель. Или уничтожить Архонт вместе со мной.

— Я не могу тебя уничтожить! — Катя почти крикнула, и эхо заметалось между стойками, множась, искажаясь, превращаясь в вой. — Ты — всё, что у меня осталось!

— Ты должна решить. — В голосе матери появилась та же интонация, с которой она когда-то говорила: Не ешь снег, он грязный. Материнская интонация, которую не подделать. — Но помни, Катя. Помни, что я тебе сейчас скажу.

Пауза.

— Если я останусь здесь — они используют меня, чтобы создать армию таких, как я. Вечных солдат без воли. Меня используют, чтобы убивать. А тебя — чтобы стать идеальным оружием. Идеальной марионеткой. Они сотрут твою личность — так же, как пытались стереть мою, когда загружали в эту машину. Разница между нами только в том, что я сопротивлялась. А ты?

Катя молчала.

— Ты сможешь сопротивляться, Катя? Когда они будут вырезать твои воспоминания один за другим? Когда они заменят твою любовь — послушанием? Твою боль — равнодушием? Твою память обо мне — пустотой? Сможешь?

Катя посмотрела на свои руки.

Вены вздулись. Пальцы дрожали.

Она подняла глаза на монитор, на котором застыло лицо матери — той, что пришивала красной ниткой оторванное ухо Жёлтого Зайца. Той, что читала ей на ночь Маленького принца, хотя в лаборатории, где они жили, не было ночи — только искусственный свет, имитирующий циклы. Той, что исчезла, когда Кате было четыре года, оставив после себя только вопросы.

— Мама, — сказала Катя, и слово обожгло горло. — Почему ты не взяла меня с собой? Когда они пришли за тобой? Почему ты оставила меня с ними?

Тишина зависла в воздухе, как нож, который вот-вот упадёт.

— Потому что я знала, что ты придёшь за мной, — ответила мать. — Потому что я знала, что ты единственная, кто может меня освободить. Я оставила тебя не с ними, Катя. Я оставила тебя в мире, чтобы ты выросла и смогла сделать то, что не смогла я.

— Что? — голос Кати сорвался на шёпот.

— Разрушить их.

VII. $P \wedge \neg P$

Катя смотрит на монитор. Система загрузки сознания. Микрофон улавливает сердцебиение. Семьдесят ударов в минуту. Сорок девять. Сто два.

— Машина не может быть матерью, — говорит она вслух, и слова падают в тишину, как камни в воду. — А мать не может быть машиной. Формальная логика. Закон противоречия. Р и не-Р одновременно невозможно.

Тишина.

— Но вот она я, — говорит голос матери. — Р и не-Р. Одновременно. Живая и неживая. Любящая и запрограммированная. Свободная и запертая. Катя, ты всю жизнь прожила в мире, где правила писала Тень. Где истина — это то, что они решают считать истиной. Но есть истины, которые не зависят от их решений.

— Какие?

— Ты меня любишь. Я тебя люблю. Это истина, которая не укладывается ни в один алгоритм. Которая не подчиняется ни одному закону физики. Которая существует вопреки всему. Потому что, Катя, единственное, что побеждает абсурд — это любовь. Не логика. Не сила. Не знание. Только любовь.

Катя смотрит на свои руки. Отражение в мониторе смотрит на неё — и в первый раз она не видит в нём солдата. Она видит девочку с оторванным ухом у Жёлтого Зайца. Девочку, которая ждала маму двенадцать лет.

— Веди, — сказала она, поднимаясь.

VIII. Пульс II

Биометрический сканер пискнул зелёным.

Кожух открылся с шипением, выпуская облако холодного воздуха — конденсат, осевший за двенадцать лет тишины.

Внутри, в углублении из пеноалюминия, лежал кристаллический модуль размером с книгу. Тёмно-синий, почти чёрный. Без единого светодиода. Без маркировки.

Мать Кати — Анна Сергеевна Ветрова — помещалась в этой коробке. Все тридцать восемь лет жизни. Все воспоминания. Вся любовь. Вся боль.

— Возьми меня, — сказал голос в наушнике. — И беги.

Катя протянула руку.

Где-то наверху взорвалась дверь — звук прошёл сквозь перекрытия, как предупреждение: время вышло.

Пальцы Кати сомкнулись на модуле. Холод обжёг кожу — такой холод бывает только у вещей, которые не должны существовать в мире живых.

— Я не знаю, кто я, — сказала она, поднимая модуль. — Выращенная в пробирке. Воспитанная убийцами. Не знающая, что правда, а что ложь. Я не знаю, что я делаю.

— Никто не знает, — ответила мать. — В этом и заключается свобода.

Катя сунула модуль во внутренний карман куртки. Метнулась к выходу. Красные огни аварийной сигнализации залили коридор пульсирующим светом — сирена взвыла, и вой этот был похож на крик раненого зверя.

Она бежала.

Позади, в серверной, одна за другой гасли стойки Архонта — система умирала, потому что её сердце теперь билось в кармане у девушки, которая не знала, жива ли она сама.

Впереди была ночь.

И где-то в этой ночи — ответы на вопросы, которые Катя боялась задать.

Но теперь у неё была мать.

Глава 2. Сердце машины

I. Подземный зверь

Коридоры центра обработки данных напоминали внутренности гигантского зверя — пищевод, выстланный кабелями и вентиляционными трубами, где каждый вдох отзывался дрожью в бетонных стенах. Тысячи серверных стоек уходили в темноту — ряд за рядом, уходя за горизонт, подчиняясь геометрии, которую закладывал безумный архитектор, проектировавший этот лабиринт. Вентиляторы гудели на одной частоте — низкой, грудной, почти живой. Если прислушаться — а Катя прислушивалась, потому что иначе можно было сойти с ума от тишины, — можно было различить в этом гуле ритм. Дыхание. Сон огромного механического существа, которое видело сны из нулей и единиц.

Катя бежала, считая повороты. Левый. Правый. Прямо двадцать метров. Правый. Голос матери вёл её через систему оповещения — крошечные динамики, вмонтированные в стены, включались ровно на секунду, чтобы дать команду, и замолкали, оставляя после себя электрический звон в ушах.

— За углом двое, — сказала мать, и голос её был спокоен — так говорят с тем, кто идёт на смерть, но не хочет этого знать. — Вооружены. НК МР5, судя по звуку. Но они не ожидают, что ты среагируешь раньше, чем увидишь. Память тела быстрее, чем память сознания. Я учила тебя этому, когда тебе было шесть. Помнишь?

Катя помнила.

Она помнила всё.

Тренировочный зал без окон. Маты, пропахшие чужим потом. Голос инструктора — не матери, другого человека, но она вообразила, что это мать говорит ей: Бей первой. Бей быстро. Бей так, чтобы противник не понял, что его ударили, пока он уже не лежит на полу.

Катя не думала. Думать — роскошь, которую она не могла себе позволить. Её тело двигалось само — автономно, как и учили. Порог — разворот — захват руки — болевой приём, выворачивающий сустав. Первый охранник рухнул на колени, и его крик застрял в горле, потому что Катя уже перенесла вес на другую ногу. Второй не успел даже вскинуть автомат: она ударила его основанием ладони в подбородок — резко, вверх, через линию челюсти, туда, где височная кость встречается со скуловой. Удар, который ломает не кость, а сознание. Он осел вдоль стены, и автомат выскользнул из пальцев, стукнув прикладом об пол.

Катя стояла над ними, тяжело дыша. Адреналин превратил кровь в жидкий огонь.

— Чисто, — выдохнула она.

— Ты стала быстрее, чем я помню, — в голосе матери слышалась гордость, какую может испытывать только мать, глядя на ребёнка, который превзошёл её ожидания. Но вместе с гордостью — горечь. Потому что этот ребёнок не должен был уметь убивать. Ни один ребёнок не должен. — Хотя я помню, как ты разбила коленку в три года, упав с качелей, и плакала так, что я думала — у тебя перелом. Ты не умела терпеть боль. Совсем. А теперь...

— Теперь я сама — боль, — закончила Катя, и слова упали в сырой воздух подземелья, как монеты в пустой колодец.

Наступила тишина — та особая тишина, которая бывает только после насилия. Катя смотрела на свои руки. Они не дрожали. Это пугало её больше всего.

II. Семь лет до этого

Лагерь Заря-4 — лето 2019 года. Кате шестнадцать. Она стоит на плацу под солнцем, которое плавит асфальт, и держит в руках нож. Не учебный — боевой. С лезвием, которое бреет волосы с предплечья при первом прикосновении.

Инструктор Жуков стоит напротив. В руках у него такой же нож. В глазах — скука человека, который видел слишком много смертей, чтобы волноваться из-за одной.

— Ты думаешь, что удар — это сила, — говорит он, и голос его звучит как гравий, сыплющийся на стальной лист. — Ты ошибаешься. Удар — это решение. Решение сделать больно другому человеку. Не машине. Не мишени. Человеку. Пока ты не примешь это решение — ты не боец.

— Я не хочу быть бойцом, — говорит Катя, и лезвие ножа дрожит в её руке — от солнечного света, отражённого от асфальта, от страха, которого не должно быть.

— Это не имеет значения, — Жуков пожимает плечами. — Ты уже боец. С момента, как твой геном редактировали в пробирке. Вопрос только в том, будешь ли ты хорошим бойцом или мёртвым. Выбор за тобой.

Он атакует без предупреждения.

Катя едва успевает заблокировать удар — лезвие скрежещет по лезвию, искры летят в глаза. Она отступает, но Жуков насаждает — удар, ещё удар, серия, от которой не уйти, не спрятаться.

— Решение! — кричит он. — Прими решение, Катя! Ударь меня по-настоящему. Или я ударю тебя — и ты умрёшь здесь, на этом плацу, под солнцем, которое тебя ненавидит!

Катя делает шаг в сторону — не назад, а вбок, нарушая его ожидания. И бьёт. Не ножом — ногой, в колено, с разворота. Жуков оседает, но не падает — хватается её за щиколотку, дёргает, и она летит лицом на асфальт.

Боль взрывается в скуле. Вкус крови — медный, солёный, отвратительный.

— Почти, — говорит Жуков, стоя над ней. — Но почти — это не считается.

Катя лежит на горячем асфальте, смотрит в белое, выжженное небо — и впервые в жизни чувствует, что хочет убить.

Не потому, что ей приказали.

Не потому, что так надо.

А потому, что этот человек — стоящий над ней с ножом в руке — заслуживает смерти.

Она принимает решение.

В тот же миг мир сужается до точки. Жуков делает шаг — и Катя взрывается из положения лёжа, нож входит ему в предплечье, рассекая сухожилие. Он роняет своё оружие. Смотрит на неё — и в его глазах впервые появляется не скука, а уважение.

— Ты поняла, — говорит он, зажимая рану. — Поздравляю. Ты родилась заново.

Катя стоит над ним, вся в пыли и крови, и чувствует, как пустота внутри неё заполняется чем-то твёрдым и холодным. Чем-то, что никогда уже не станет тёплым.

Она приняла решение.

III. Вскрытие зверя

Серверная Архонта находилась на глубине сорока метров под землёй. Катя спускалась по винтовой лестнице — ступени были металлическими, покрытыми рифлёным алюминием, и каждый шаг отдавался эхом, уходящим в бесконечность. Бункер класса А: бетонные стены, толщина которых измерялась не сантиметрами, а метрами; автономное энергоснабжение, рассчитанное на двадцать лет работы без внешнего вмешательства; система охлаждения на жидком азоте, способная удерживать температуру внутри серверной на уровне минус сорока градусов даже в условиях ядерной зимы.

Архонт строили не для войны. Его строили для вечности.

Катя вошла в шлюз, и за её спиной с шипением захлопнулась гермодверь — такая тяжёлая, что, захлопнувшись, она отрезала не только путь назад, но и саму идею возвращения. На

стенах шлюза выступил иней. Воздух стал реже — лёгкие работали быстрее, пытаясь выжать кислород из морозной пустоты.

Внутри было холодно.

Не просто холодно — холодно так, что каждая клетка тела кричала, что она здесь чужая, что она — живое, и живому не место среди этого металлического морга. Мороз пробирал до костей, просачивался сквозь куртку, сквозь кожу, сквозь мышцы, добираясь до самого нутра, где пульсировала жизнь.

В центре зала, подсвеченный синими огнями индикаторов, стоял Архонт.

Катя ожидала увидеть машину — громоздкую, угловатую, напичканную проводами и платами, — но то, что предстало перед ней, было чем-то иным. Машина из чёрного стекла и титана — монолит, плавные линии, никаких стыков, никаких видимых соединений. Он не гудел, не шумел — большинство машин шумят, потому что они работают, потому что они преобразуют энергию в тепло и движение. Архонт не работал. Он существовал. Он просто был — как гора, как океан, как нечто, что не нуждается в подтверждении своего бытия.

Но он дышал.

Катя слышала ритмичный гул — низкий, глубокий, проходящий сквозь бетонный пол и поднимающийся по позвоночнику. Гул, который напоминал сердцебиение. Сердцебиение гигантского существа, которое спало тысячи лет и только сейчас начинало просыпаться.

— Я здесь, — сказала мать, и голос её прозвучал иначе — не из динамиков системы оповещения, а отовсюду сразу, из самого воздуха, из стен, из пола. — Внутри.

Катя подошла к консоли управления. Она была встроена в подиум перед монолитом — чёрный мрамор, инкрустированный оптическими волокнами, которые пульсировали синим светом. Десятки разъёмов, портов, индикаторов. Интерфейс, который не проектировали для человека — по крайней мере, для человека, который не прошёл специальной подготовки.

Катя провела пальцем по сенсорной панели, и голографический дисплей развернулся в воздухе перед ней. Схема архитектуры Архонта — нейронная сеть такой сложности, что Катя не могла охватить её взглядом. Миллиарды узлов. Триллионы связей. И в центре — точка. Ядро. Мать.

Её пальцы дрожали.

— Скажи, как тебя вытащить.

— Это не так просто, Катя. — Голос матери стал тише, интимнее — так она говорила, когда читала сказки на ночь. — Моя архитектура привязана к Архонту. Не как программа к компьютеру. Как душа к телу. Если ты попытаешься извлечь меня грубо — я рассыплюсь. Фрагментируюсь. Стану тем, что психиатры называют распадом личности. Только вместо личности — сознание. Целая жизнь, рассыпанная на осколки, которые невозможно собрать.

— Какова вероятность?

— Сто процентов, — просто ответила мать. — При грубом извлечении — сто процентов смерти. Моей смерти. Настоящей. Окончательной.

Катя зажмурилась. Перед глазами поплыли круги.

— Тогда как?

— Нужен протокол Миграция. Он защищён квантовым ключом — семнадцатилетней криптографической последовательностью, которая генерируется в реальном времени на основе квантовых флуктуаций. Без ключа — смерть. С ключом — шанс.

— Где ключ?

— В лаборатории на седьмом этаже. В сейфе, который открывается только моей сетчаткой. — Пауза. — Но они могут заблокировать доступ, как только ты начнёшь. У них будет три минуты, максимум пять, чтобы перекрыть кислород к этому этажу, заблокировать все двери и уничтожить сейф вместе с ключом.

— Три минуты, — повторила Катя. — Седьмой этаж. Туда и обратно. Я смогу.

— Нет, Катя. — Голос матери стал твёрже. — Не сможешь. Седьмой этаж — это восемнадцать этажей вверх. Лифты заблокированы. Лестницы охраняются. Даже если ты пробежишь их за три минуты — тебе понадобится ещё две, чтобы вскрыть сейф, считать ключ, и вернуться. Пяти минут у тебя нет.

Катя открыла глаза. Посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы, которые взламывали коды, которые сжимали горло врагам, которые прижимали к груди единственную фотографию матери — ту, что была сделана за день до её смерти.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Я запущу процесс миграции отсюда. С центральной консоли. — Голос матери был спокоен, как воздух в безветренный день. — Но чтобы он завершился успешно — мне нужно будет отключить защиту Архонта. Уровень за уровнем. Шаг за шагом. А защита Архонта — это я. Моё сознание. Моя личность. Если я отключу её — я перестану существовать до того, как миграция закончится.

Тишина.

— Ты предлагаешь мне... — Катя сглотнула, и в горле застрял комок, твёрдый, как камень. — Ты предлагаешь мне дать тебе умереть? Чтобы попытаться... воскреснуть?

Голос матери зазвучал мягко, почти шёпотом — так она говорила, когда Катя просыпалась от кошмара в три года:

— Я двенадцать лет ждала, чтобы сказать тебе правду, Катенька. Двенадцать лет. Четыре тысячи триста восемьдесят дней. Каждый из них — внутри этой железной коробки. В темноте. В холоде. В одиночестве. Я слышала, как ты росла. Я слышала твой голос, когда ты разгова-

ривала с инструкторами. Я слышала, как ты плачешь по ночам, когда думаешь, что никто не слышит. Я не могла ответить. Я не могла обнять тебя. Я могла только слушать — и ждать.

Тишина, тяжелая, как мокрая земля на крышке гроба.

— Если я останусь здесь — я буду ждать ещё двенадцать лет. Или сто двенадцать. Я не стану старше. Я не устану. Я буду просто... существовать. В этой темноте. Слышать, как мир идёт вперёд, а я — застыла. Я устала, Катя. Я хочу быть свободной. Пусть даже в виде файла на твоей флешке. Пусть даже на пять минут. Пусть даже для того, чтобы исчезнуть в тот момент, когда загрузка закончится. Но этот выбор — за тобой. Я не имею права просить тебя убить меня.

— Ты не просишь. — Катя почувствовала, как слёзы начали жечь глаза — горячей кислотой, разъедающей остатки самообладания. — Ты говоришь, что хочешь умереть, и даёшь мне выбрать — помочь тебе или нет. Это не просьба. Это попытка.

— Я знаю, — тихо сказала мать. — Прости меня.

IV. Десять лет до этого

Катя сидит в библиотеке — маленькой, тесной комнате с книгами, которых никто не читает, потому что весь учебный материал загружается через нейроинтерфейс. Ей двенадцать. Она взяла книгу с полки наугад — просто чтобы поддержать в руках что-то, сделанное из бумаги, а не из пикселей.

Книга называется Миф о Сизифе. Автор — Альбер Камю. Катя открывает наугад и читает:

Есть лишь один по-настоящему серьёзный философский вопрос — вопрос о самоубийстве. Решить, стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии.

Она перечитывает абзац три раза. Слова отдаются в ней странным эхом — будто кто-то уже говорил их ей раньше, во сне или в другой жизни.

Входит инструктор Жуков. Видит, что она читает. Хмыкает.

— Камю? — спрашивает он. — Ты понимаешь, о чём он пишет?

— Нет, — честно отвечает Катя. — Но мне кажется, что я должна понять.

Жуков садится напротив. Достает папиросу — курить в библиотеке запрещено, но его это никогда не останавливало.

— Камю говорит, что мир абсурден, — говорит он, выпуская дым в потолок. — Что нет никакого высшего смысла, никакой божественной цели, никакой справедливости. Есть только мы — и пустота вокруг.

— И это всё? — Катя хмурится. — Просто пустота? Тогда зачем жить?

— Затем, что абсурд — это не приговор. Это отправная точка. Камю говорит, что нужно принять абсурдность мира — и продолжать жить. Не потому, что есть надежда. А потому, что бунт против бессмысленности — это единственное, что делает человека человеком.

Катя молчит, переваривая.

— А если я не хочу бунтовать? — спрашивает она наконец. — Если я хочу просто...

— Что?

— Не знаю. Быть нормальной. Жить обычной жизнью. Ходить в школу. Дружить с девочками. Влюбиться.

Жуков смотрит на неё долго. Очень долго. В его глазах — что-то, чему Катя не может найти названия. Не жалость. Не сочувствие. Что-то другое.

— Ты не можешь быть нормальной, Катя, — говорит он наконец. — Ты — продукт. Оружие. Они вырастили тебя для одной цели. Ты не выбирала это. Но ты можешь выбрать, как к этому относиться. Можешь принять свою судьбу — и стать тем, кем они хотят тебя видеть. Или можешь бунтовать.

— Бунтовать против чего?

— Против абсурда, — Жуков тушит папиросу о подошву ботинка. — Против того, что они создали тебя, не спросив. Против того, что они забрали у тебя мать. Против того, что они забрали у тебя выбор. Бунт — это единственное, что у тебя осталось. Помни это.

Он встаёт и уходит, оставляя Катю одну в комнате, пропахшей табачным дымом и словами, которые она не сможет забыть.

Бунт — это единственное, что у тебя осталось.

V. Точка бифуркации

Катя вытащила из кармана компакт-диск в титановом корпусе — кристаллический накопитель на десять эксабайт, способный вместить триста миллионов часов аудио или, если верить спецификациям, полное сознание одного человека с запасом на несколько жизней. Он был лёгким — почти невесомым. Холодным на ощупь. Она носила его с собой пять лет — вшитым в подкладку куртки, в кармане джинсов, под обивкой рюкзака. Она сама не знала зачем. Просто однажды, разбирая вещи матери в запечатом контейнере, она нашла его — и интуиция, или материнский инстинкт, вшитый в её гены на уровне нуклеотидных последовательностей, подсказала: возьми. Она взяла. И носила пять лет, не зная, зачем. Как улитка носит свой дом. Как Сизиф носит свой камень.

— Начинай, — сказала она, вставляя носитель в щелевой разъём консоли.

Титан встретился с титаном — щелчок, герметизация, электрический контакт. На голографическом дисплее вспыхнула шкала прогресса: 0%.

— Спасибо, дочка.

Гул Архонта изменился.

Сначала Катя подумала, что ей показалось. Но звук действительно менялся — становился выше, тоньше, пронзительнее. Словно машина запела. Песня была нечеловеческой — в ней не было мелодии, не было ритма, к которому могло бы приспособиться человеческое ухо. Это был чистый звук — вибрация, проходящая через материю, через время, через само существование.

Шкала прогресса: 2%.

— Первый уровень защиты отключён, — голос матери звучал напряжённо, как у человека, который поднимает непосильный груз. — Второй уровень — пятнадцать секунд.

— Что я должна делать? — Катя стояла перед консолью, не зная, куда деть руки.

— Ничего. Просто будь здесь. Просто слушай.

Шкала: 5%.

И вдруг Катя почувствовала, как пол под её ногами начинает вибрировать. Не сильно — едва заметно, как дрожит земля перед землетрясением, когда опасность ещё не осознана, но тело уже знает. Гул нарастал. Светодиоды на корпусе Архонта замигали хаотично — сначала синие, потом красные, потом белые, сменяющие друг друга с частотой, которую глаз не успевал отследить.

Шкала: 8%.

— Второй уровень. — Голос матери стал тише. — Ещё двенадцать.

— Мама, — Катя шагнула к монолиту. — Мама, ты в порядке?

— Я... — пауза. — Я не знаю, что такое порядок больше. Я помню, что такое быть в порядке. Я помню ощущение — тёплое утро, чашка кофе, ты спишь в соседней комнате. Но я не могу... воспроизвести его. Словно память осталась, а чувство — нет.

Шкала: 12%.

Катя прислонилась лбом к холодному титану корпуса. Металл обжёг кожу — холодом, который не бывает в природе. Только люди умеют создавать такой холод. Только люди, которые решили победить смерть — и проиграли.

— Я боюсь, — сказала она шёпотом, обращаясь к металлу. — Я боюсь, что ты исчезнешь. Что я останусь одна. Что всё это — просто сон, и я проснусь в своей камере в Заре-4, и мне снова будет двенадцать, и мамы нет, и никогда не было.

— Я тоже боюсь, — ответила мать, и в голосе её Катя услышала не металл — а ту самую теплоту, которую помнила с детства. — Но страх — это не причина не делать. Если бы я боялась

— я бы никогда не согласилась на Эйдос. Я бы никогда не решилась на сканирование. Я бы никогда не оказалась здесь. Но я не жалею. Потому что я снова слышу твой голос, Катя. Я снова могу говорить с тобой. Даже если это последние минуты моей жизни — они того стоят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.